

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Введение	8
Глава I. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ТРАКТОВКАХ РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЛИНГВИСТИКИ	14
1.1. Трактовка имени собственного в исследованиях логического направления	14
1.2. Трактовка имени собственного в исследованиях антропоцентрического направления	21
1.3. Проблема дифференциации имен собственных и имен нарицательных	28
1.4. Концепция имени	31
1.4.1. Мифологическая концепция имени.....	34
1.4.2. Геоцентрическая концепция имени	36
1.4.3. Антропоцентрическая концепция имени.....	38
1.5. Мифологическая сущность имени собственного	41
1.6. Понятие ономастической системы. Типология ономастических систем.....	43
1.7. Тип ономастической системы и трактовка имени собственного ...	49
1.8. Имя собственное и его лексико-морфологические характеристики.....	52
1.9. Имя собственное и его функции.....	55
Глава II. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КИТАЙСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА.....	59
2.1. Предпосылки становления ономастической системы мифологического типа.....	62
2.2. Философско-лингвистические предпосылки становления ономастической системы мифологического типа.....	67

2.3. Логико-лингвистические предпосылки становления ономастической системы мифологического типа.....	75
2.4. История выделения категории имени собственного на примере китайской грамматической традиции.....	80
2.5. Формальная сторона имени собственного в китайском языке.....	84
2.5.1. Грамматологический аспект.....	87
2.5.2. Фонетический аспект.....	91
2.6. Содержательная сторона имени собственного в китайском языке.....	94
2.7. Функции имени собственного в ономастической системе мифологического типа.....	100
2.8. Лингвистический статус имени собственного в ономастической системе мифологического типа.....	106

Глава III. КИТАЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ

В НОМИНАТИВНОМ АСПЕКТЕ.....	113
3.1. Антропонимическая модель китайцев. Морфология китайского антропонима.....	113
3.1.1. Китайская фамилия.....	117
3.1.2. «Сто фамилий».....	119
3.1.3. Выбор имени в зависимости от фамилии.....	120
3.1.4. Семантические отношения фамилии и имени.....	122
3.1.5. Графические отношения фамилии и имени.....	123
3.2. Морфология китайского антропонима. Китайское имя.....	126
3.2.1. Виды китайских имен.....	127
3.3. Экстралингвистические факторы антропонимической номинации китайцев.....	131
3.3.1. Культурно-исторический аспект антропонимической номинации китайцев.....	131
3.4. Китайские антропонимы и ценности китайского народа.....	143
3.4.1. Культ древности и китайские антропонимы.....	143
3.4.2. Китайские антропонимы и ценностная картина мира китайцев.....	147
3.4.3. Китайские антропонимы и антиценности китайской культуры. Имена- <i>табу</i>	153
3.5. Космологический фактор номинации китайцев.....	160
3.5.1. Фактор очередности рождения в семье и китайские антропонимы.....	162

3.5.2. Дата рождения и китайские антропони́мы	163
3.5.3. <i>Инь</i> и <i>ян</i> , пять первоэлементов (<i>у-син</i>) и китайские антропони́мы	167
3.5.4. Родословная книга и китайские антропони́мы	171
3.5.5. Восточный гороскоп (животный цикл) и китайские антропони́мы	172
3.6. Гендерность в китайском антропони́ме	179
3.6.1. Семантический анализ китайских женских имен	183
3.6.2. Семантический анализ китайских мужских имен	193
3.7. Лингвистические факторы номинации китайцев	201
3.7.1. Семантический аспект китайского антропони́ма	201
3.7.2. Грамматологический аспект китайского антропони́ма	219
3.7.3. Фонетический аспект китайского антропони́ма	221
3.8. Грамматический аспект китайского антропони́ма. Структурно- словообразовательный анализ китайских антропони́мов	223
3.8.1. Грамматический анализ китайских антропони́мов	227
3.8.1.1. Числительное в имени	227
3.8.1.2. Местоимение в имени	232
3.8.1.3. Служебные части речи в имени	233
3.8.1.4. Вопросительные слова в имени	233
3.8.1.5. Отрицательные частицы в имени	235
3.8.1.6. Фразеологизмы в имени	237
3.9. Перевод китайских антропони́мов на русский язык	239
Заключение	252
Список литературы	257

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование имен собственных традиционно осуществляется на стыке многих наук — лингвистики, культурологии, истории, социологии, этнографии и т. д. Такой комплексный подход особенно актуален в исследовании китайских антропонимов, интерпретация которых не может быть успешной без обращения к языковым и внеязыковым особенностям их существования.

Анализ формально-содержательных и функциональных характеристик антропонимов в китайском языке невозможно осуществить без предварительного определения и уточнения основных подходов в отечественной и зарубежной лингвистике к исследованию имени собственного. Ономастическая теория на сегодняшний день демонстрирует неоднозначность, дискуссионность многих проблем антропонимики, начиная с лингвистического статуса имени собственного и заканчивая его основными категориальными признаками.

Теоретическое осмысление научных концепций имени собственного дает возможность не только обнаружить его основные характерологические особенности, но и проследить зависимость статуса имени собственного от типа ономастической системы, выявить типологию ономастических систем. Данные закономерности определили структуру работы.

В первой главе рассматриваются теоретические основания проблемы имени собственного в лингвистике, ставится проблема несоответствия языкового материала китайских антропонимов существующим в ономастике представлениям об имени. В связи с этим предлагается дифференцированный подход в исследовании феномена личного имени посредством введения типологии ономастических систем — мифологического, теоцентрического и антропоцентрического типов. Ономастическая система китайцев в рамках данной типологии относится к первому типу — мифологическому.

Во второй главе описываются особенности антропонимической системы китайцев как мифологической антропонимической системы, выявляются объективные и субъективные причины ее появления и функционирования. В данной главе также подробно рассматривается категория собственности в китайском языке — ее формальные, содержательные и функциональные особенности.

Третья глава знакомит читателя с богатым миром китайских антропонимов — основными традициями имянаречения, видами имен, их грамматикой, семантикой и прагматикой, аксиологическими и гендерными представлениями китайского народа, выраженными в имени.

Практическим материалом исследования послужили реальные имена носителей китайского языка, собранные из различных источников в течение всего периода написания работы. Также в книге нашли отражение данные, выявленные в результате проведенных опросов и анкетирования во время научных стажировок в КНР (г. Далянь, г. Чанчунь и др.) с 2008 по 2012 год.

В основу работы легли результаты диссертационного исследования, выполненного под руководством кандидата филологических наук, профессора Олега Марковича Готлиба. Слова благодарности адресую своему учителю за научную школу и бесценный опыт.

Особую благодарность хочется выразить своим родителям, коллегам, родным и близким за понимание, терпение и помощь.

ВВЕДЕНИЕ

Существует глубокое убеждение в том, что в силу определенных объективных причин мир китайского языка и культуры по-прежнему видится российскому читателю размыто, приблизительно. Наши знания о Поднебесной ограничиваются несколькими фактами об истории, кухне, торговле и т. д. Это можно попытаться объяснить как языковыми причинами (все-таки устройство китайского языка, «китайская грамота» поневоле является той преградой, которая, с одной стороны, скрывает, но, с другой, безусловно, защищает и оберегает китайскую культуру от внешних влияний), так и внеязыковыми — привычной для российской действительности и общества ориентированностью на европейскую культуру. Между тем складывающаяся в современном мире ситуация все больше вынуждает игроков «смотреть на Восток», учитывать и понимать Восток. Актуальность исследований в области китайской культуры и языка, на наш взгляд, в настоящее время очевидна — мы должны знать больше о своих партнерах, об их ценностях, миропонимании и пр.

Мир китайских антропонимов в данном отношении чрезвычайно иллюстративен. Он интересен не только потому, что проблема имен сама по себе занимает людей с давних пор, он интересен своей принципиальной инаковостью. В современном мире, где все стремится к унификации и глобализации, даже странно открывать для себя, осознавать и признавать то, что до сих пор существует (да еще и в таких масштабах) нечто настолько уникальное и самобытное, принципиально отличное от привычного для нас круга имен — Анн, Викторий, Джэков и т. д.

Глядя на типичные китайские антропонимы, такие как Ван Цзяньго, Хуан Дэгуан и пр., может показаться, что это просто набор иностранных звуков, что это такие же имена, как Василий или Лиза, только на китайском языке. Но это не совсем так, за этими переведенными на русский язык с помощью транскрипции иностранными именами скрывается богатое содержание, которое, к сожалению, подчиняясь современным правилам передачи именов, остается непереверденным, закрытым для принимающих языков и культур.

Между тем если заглянуть в каждый отдельный китайский антропоним, то можно обнаружить, что это не просто Чжоу Энлай, это человек, которого зовут «добро приходит или приходящее добро», Линь Шуанцзе — «лес в серебристом инее», Мэн Баи — «1 августа» (день образования НОАК), Пань Мэйчэнь — «счастливая пора», Цзяньго — «строительство государства», Чуньянь — «весенняя ласточка» и пр. На первый взгляд может показаться, что такие имена напоминают мифологические «Острый глаз» или «Горячее сердце». Это действительно так. Китайские имена имеют много общего с именами, которые в литературе по ономастике часто называются архаичными, древними и т. д. Такие имена с прозрачной семантикой, как известно, на определенном этапе существовали во многих культурах, но по тем или иным причинам вышли из употребления, заменились другими, потеряли первичную семантику и пр.

В научной литературе работы о таких именах рассматриваются в связи с мифологическими представлениями об имени, с мифологическим сознанием, мифологией имени и ассоциируются с древним этапом развития человечества. Прецедент же китайской системы именования состоит в том, что эта «мифология имени» не исчезла, не стала частью чего-то еще, не редуцировалась, она, появившись несколько тысячелетий назад, демонстрирует цельное непрерывное последовательное развитие. Этому можно найти много разных причин, но к наиболее важным следует отнести следующие. Во-первых, ономастическая система китайцев не подверглась какому-либо глобальному влиянию извне. Ни приход новой религии (буддизма, христианства), ни приезд иностранных миссионеров, ни военные конфликты не смогли качественно изменить традиционный уклад китайских имен. Любые попытки ассимилировать китайскую культуру заканчивались обратным эффектом — китайская культура постепенно поглощала и адаптировала нововведения под себя.

Китайский традиционализм стал также причиной того, что всевозможные политические, социальные изменения внутри страны коснулись системы имен лишь отчасти. Наиболее существенными для ономастической ситуации стали момент падения монархии и время начала преобразований. В этот период система китайских имен была упрощена, некоторые традиции в данной области — упразднены. Тем не менее сейчас можно говорить о том, что в целом ономастическая система китайцев успешно пережила и это испытание.

Дошедшая сквозь тысячелетия и сохранившаяся в оригинальном виде антропонимическая система китайцев развивается и на сегодняшний день является самой большой в мире. Тем более странно пытаться объяснить сущность таких антропонимов с помощью современной теории ономастики, постулатами которой зачастую являются утверждения об асемантической природе имен собственных.

Неправдоподобным кажется тот факт, что материал китайских антропонимов, то есть материал самой большой ономастической и антропонимической системы в мире, практически не учтен в теории ономастики. Вместе с тем, исходя из объективных количественных показателей, теорию имени собственного логичнее строить на материале данных китайского языка и лишь фрагментарно — на материале европейских языков. Это, пожалуй, главная теоретическая проблема, возникающая в изучении китайских антропонимов. Их сущность практически не укладывается в шаблон, разработанный для анализа имен европейских языков. Данный факт дает основания предполагать, что семиотическая и семантическая сущность имен различна и требует дифференцированного подхода к их анализу.

Повествование об именах китайцев (китайских антропонимах) прежде всего следует начать с небольшого комментария о том, что же мы будем иметь в виду под сочетанием «китайские антропонимы». Под китайскими антропонимами мы будем подразумевать имена ханьцев. Ханьцы — наиболее многочисленная этническая группа Китая и мира, в русском языке традиционно именуемая как китайцы (хотя под китайцами могут подразумевать все народности Китая). Несмотря на то что антропонимы всех национальных меньшинств, проживающих на сегодняшний день в КНР, по форме приближены к ханьским, т. е. любой гражданин официально должен иметь фамилию и имя, антропонимические традиции некоторых народов все же отличаются. Например, антропонимическая формула проживающих в КНР монголов традиционно состоит только из имени или нескольких имен, в ней нет фамилии, но в китайских официальных документах фамилия у монголов все-таки присутствует — это первый знак имени, механически, искусственно взятый и используемый в качестве фамилии. Таким образом, объектом нашего исследования будут антропонимы китайского этноса, а не китайской нации, состоящей более чем из пятидесяти различных национальностей.

Следует отдельно отметить, что китайский антропоним морфологически дискретен и состоит из фамилии и имени. Сам факт существования частей внутри антропонима, вероятно, говорит об их различной природе и функциональной направленности.

Появление фамилий в китайской ономастической системе, по замечанию китайских ученых, объясняется необходимостью в различении родственных связей, отношений, что для людей древности имело большое значение, т. к. представители одного рода не могли вступать в брак. Носители одной фамилии в Китае до недавнего времени считались родственниками. Таким образом, китайская фамилия внутри китайского антропонима наделена самостоятельной (важной) функциональной нагрузкой.

Несмотря на данные различных источников, которые говорят о том, что число китайских фамилий на сегодняшний день составляет более двенадцати тысяч единиц, парадокс современной ономастической ситуации в Китае заключается в том, что распространенными из них являются лишь пять: 李 Ли, 刘 Лю, 王 Ван, 张 Чжан, 赵 Чжао.

Согласно данным министерства общественной безопасности КНР за 2007 год, людей с фамилией Ван (王) насчитывается около 9 миллионов 288 тысяч, что составляет 7,25% от населения страны. Вторая по распространенности — фамилия Ли (李). Ее носит 9 миллионов 207 тысяч человек (или 7,19%). Третья по популярности — фамилия Чжан (张). Около 8 миллионов 750 тысяч китайцев (или 6,83%) являются ее обладателями [Новостной портал Синьхуа от 24.04.2007].

Особая функциональная нагрузка в сочетании с высоким процентом повторяемости привела к тому, что китайские фамилии стали развиваться несколько иначе, чем имена. В частности, некоторые фамилии изменяются в направлении все большей системности, приобретения свойств «классических» имен собственных. Таким образом, если в европейских именах с некоторой долей условности можно говорить о семантически прозрачных фамилиях и утративших семантику именах, то в Китае ситуация обратна — мотивированные имена и ряд немотивированных фамилий. То есть развитие китайской ономастической системы происходит по несколько иной траектории, нежели развитие европейских имен: асемантическими скорее становятся фамилии, а не имена.

Особый, не характерный для современной ономастической ситуации в мире путь развития системы имен в китайском языке определяет необходимость в обращении к анализу истории выделения категории имени собственного в китайской языковедческой традиции, которая, как показал предварительный анализ, складывалась под влиянием особенностей китайской философии (в т. ч. философии имени) и логики.

Китайская ономастическая традиция наравне с греческой и индийской является одной из самых древних, но, несмотря на ее более чем тысячелетнюю историю, информации о ней не так много, она не известна широкому кругу лингвистов. В частности, мало кто знает, что в китайской философии широко представлена философия имени, что проблемой имен и реалий занимались и конфуцианцы, и даосы, и представители многих других школ, а первая категоризация имен в Древнем Китае произошла еще до нашей эры.

Образец китайских антропонимов очень показателен также по причине того, что это единственный пример имен в языке, грамматический строй которого является изолирующим. То есть объективно, с точки зрения исследования, наблюдения над явлением, данный факт представляет большую ценность, т. к. позволяет установить какие-то новые в онтологии явления аспекты, модели поведения объекта.

В частности, даже предварительный анализ может показать то, что антропонимы в языке с изолирующим строем грамматики не обладают всеми теми «категориальными» признаками проприальности, о которых принято говорить в ономастике, — отдельной словоизменительной и словообразовательной парадигмой слова, особенной морфологической и синтаксической валентностью, особенностями склонения, акцентуации и т. д.

Китайские антропонимы, по всей видимости, отличаются, например, от европейских и функционально. Если в лингвистике говорится, что антропонимы преимущественно являются знаками дифференциации, индивидуализации, то китайские антропонимы наряду с перечисленными также обладают и другими важными функциями. В частности, сложное устройство системы именования китайцев во многом обусловлено экстралингвистическими, прагматическими причинами. Имя — не простой знак, это знак симпатически связанный со своим носителем, с его судьбой и жизнью: «Как назовешь человека, такова будет и его судьба», —

уверены китайцы. Поэтому выбор имени — это не пустая формальность, это сложный процесс, в котором учитывается много факторов объективного (фамилия, место и время рождения, погода при рождении и пр.) и субъективного характера (особенности внешности, темперамента ребенка и пр.).

Китайские антропонимы необычны еще и потому, что записываются иероглифами, а китайский язык на сегодняшний день является единственным языком в мире с идеографической письменностью. Китайские иероглифы — это не просто тип письма, это факт, играющий решающую роль в развитии китайского этноса и культуры. Это принципиально другая категоризация действительности и видение мира, это другая реальность бытия — «китайские письменные знаки своеобразно “рисуют” мир, создавая тем самым еще одну “картину мира”, отличную от иных» [Готлиб, 2007, с. 93].

Кроме того, в изолирующих языках на звуковую оболочку просто слова ложится более высокая смысловая нагрузка, чем в формосвязывающих языках. За одним и тем же звуковым отрезком закрепляется несколько разных значений [Солнцев, 1995]. Ограниченное количество слогов (около четырехсот) заставляет язык использовать одни и те же слоги в качестве звуковых оболочек разных морфем и простых слов. Это ведет к значительной омонимии простых единиц [Солнцев, 1995]. Кроме того, китайский язык принадлежит к числу тональных языков. Слоги, имеющие одинаковый звуковой состав, но произнесенные разными тонами, имеют разные значения.

Все эти лингвистические и экстралингвистические особенности, безусловно, оказывают влияние на сущность, функционирование и развитие китайских антропонимов, что делает их еще более интересным объектом исследования.

Феномен имени — дискуссионный и многогранный — сквозь призму такой специфичной культуры, как китайская, такого специфичного языка, как китайский, начинает играть новыми красками, более ярко раскрывать какие-то свои стороны бытия, дает новый материал для анализа и размышлений.

Китайская культура именования представляет собой квинт-эссенцию всей духовной и материальной жизни народа, а китайские антропонимы без преувеличения «вобрали в себя» все самое ценное, аксиологически маркированное за несколько тысячелетий развития и в сгущенной форме знакомят читателей с особенностями китайской философии и культуры.

Глава I

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ТРАКТОВКАХ РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. ТРАКТОВКА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Логический подход к изучению имен собственных (далее ИС), по мнению исследователей, стал одним из продуктивных. Сущность ИС в рамках данного подхода преимущественно стала выявляться через сравнение с «обычными» именами существительными — именами нарицательными (далее ИН), часто реализующееся через противопоставление. В результате их постановки в оппозиционные отношения выяснялось, что главная особенность, которая отличает ИС и ИН, заключается в их содержании — способности иметь собственное лексическое значение. Одни авторы утверждают, что ИС лишены значения, другие считают их «значение неполноценным или лежащим в ином, нежели у нарицательных, информативном плане, а третьи приписывают им еще более содержательное значение, чем нарицательным именам» [Ермолович, 2001, с. 11]. Данный вопрос стал причиной возникновения различных гипотез и предположений, совокупность которых впоследствии и образовала основу ономастической теории.

Сложность в определении понятия «значение ИС» может быть обусловлена тем, что в лингвистике термин «значение словесного знака» по-прежнему остается дискуссионным.

Как известно, лексическое значение слова — «сложная структура, определяемая общими свойствами слова как знака: его семантикой, прагматикой и синтактикой» [ЛЭС, 1990, с. 262]. В собственно семантическом смысле в структуре лексического значения слова выделяется два аспекта: сигнификативный и де-

нотативный. Прагматический аспект лексического значения слова включает экспрессивно-эмоциональную оценку и разнообразные коннотации.

Под денотатом принято понимать «обозначаемый предмет» [ЛЭС, 1990, с. 128], объекты внеязыковой действительности, способные именоваться данной языковой единицей. Денотативная отнесенность имени (способность обозначать конкретного носителя данного имени) определяется в зависимости от того, принадлежит ли имя конкретному носителю (референту) (в речи) или существует «просто так» (в языке). Никому не принадлежащее имя в лингвистике долгое время считалось ничего не значащим знаком.

Сигнификат — «понятийное содержание знака языкового» [ЛЭС, 1990, с. 444]. В лингвистике достаточно долгий период было принято считать, что «сигнификативное значение присутствует только у основных частей речи и отсутствует у служебных слов, местоимений, междометий» [ЛЭС, 1990, с. 444]. К числу языковых знаков, лишенных лексического значения, были причислены и ИС.

В работах, выполненных в русле логического направления в языке, отмечалось, что онимы «не способны выражать обобщенное понятие» [Курилович, 2000, с. 221], «имеют гипертрофированную номинативность, а их семантическая или семасиологическая функция, наоборот, предстает в редуцированном виде» [Реформатский, 1964, с. 17]. «Идеальное ИС собственно ничего не сообщает об обозначаемой вещи» [Никитин, 1996, с. 36].

Подобные утверждения нередко сопровождалось пояснениями, в которых уточнялось, что сигнификативного (понятийного) значения у ИС и не должно быть, т. к. «для успешной коммуникации в обществе людям не обязательно знать этимологию имен» [Матвеев, 2004, с. 8–9]. Таким образом, в именах слова, словосочетания, предложения рассматриваются как «звуковой материал, смысловое неономастическое содержание которого, иногда очень существенное в момент возникновения имени, может быть затем утрачено безо всякого ущерба для его функционирования» [Матвеев, 2004, с. 8–9].

По мнению Ю. А. Карпенко, это происходит не столько из-за древности (имен), «сколько из-за отсутствия потребности (в их семантике) у общества» [Карпенко, 1984, с. 3–16]. Своего рода кульминацией изложенных точек зрения являются предположения

о том, что не может быть ономастической этимологии, потому что основная часть современных собственных имен образована не непосредственно от имен нарицательных, а от других собственных имен, более ранних по времени своего возникновения, но не обязательно более простых. Если «ономастическая этимология» выводит имя на уровень апеллятивов или «доводит» имя до омонимичного ему апеллятива, то это по существу еще не этимология, а словообразовательный анализ с учетом исторической фонологии и морфологии [Теория и методика... 1986, с. 80].

Асемантическую ИС признали своего рода ономастической универсалией: «у имен собственных происходит постепенная утрата связи имен с породившими их апеллятивами; переход при выборе имен на определенном этапе развития народа от обусловленности их прямым значением в область ассоциаций: звуковых, смысловых и символических образов» [Денисова, 2003, с. 45]. Следовательно, «чем больше «выветривается» значение слова, тем легче ему существовать в качестве имени собственного» [Голомидова, 1998, с. 9].

В истории языкознания основоположником концепции асемантической собственных имен принято считать английского логика Дж. Ст. Милля. Как известно, Дж. Ст. Милль писал, что имя — это слово, произвольно взятое для того, чтобы служить меткой, которая может возбудить в нашем уме мысль, подобную той, которая была у нас раньше.

Дж. Ст. Милль подразделил имена на два класса: коннотативные (коннотирующие) и неконнотативные (неконнотирующие). В отличие от коннотативных имен, неконнотативные имена (к которым относятся имена собственные) «не сообщают об обозначаемых ими предметах никаких атрибутов и функционируют как чисто денотативные языковые единицы» [Mill, 1874, p. 30]. Быть коннотирующим (иметь значение) «значит сообщать информацию, иметь или подразумевать атрибут, предцировать» [Mill, 1874, p. 15]. «Собственные имена ничего не коннотируют и, строго говоря, не имеют значения» [Mill, 1874, p. 32].

Для выявления специфики имени собственного как языкового знака Б. Рассел сравнивает имена собственные с определенными дескрипциями. Каждое имя может указывать на соответствующий объект; если объект существует, то он задается некоторой определенной дескрипцией, поэтому, когда имя используется для обозна-

чения этого объекта, оно рассматривается как подразумевающее соответствующую определенную дескрипцию, детерминирующую данный объект. Поэтому, согласно данному подходу, имя всегда является скрытой или сокращенной дескрипцией. Как сокращенная дескрипция имя является лишь иным способом обозначения того, что задается соответствующей определенной дескрипцией: у имени и дескрипции не только общий референт, но и общий смысл. Смысл имени сводится к смыслу дескрипции и выражается самой этой дескрипцией. Поэтому имя является взаимозаменяемым с соответствующей ему дескрипцией как в экстенциональных, так и в модальных контекстах [Рассел, 1957, с. 92–103].

Кроме того, Б. Рассел ввел понятие логических собственных имен, относя к ним местоимения *то*, *это*, *этот* [Рассел, 1957, с. 126]. Логические собственные имена указывают на объект, не характеризуя его, и не имеют значения в отрыве от объекта. Они означают самих себя, и это их единственное значение.

Развивая идеи Дж. Милля о том, что имена являются ярлыками, напрямую обозначающими предметы безотносительно каких-либо детерминирующих их смыслов или определенных дескрипций [Mill, 1874, p. 32], С. Крипке один из первых обратил внимание на то, какие следствия для теории имен имеет существующий в языке потенциал для обсуждения возможных ситуаций. Имя является тем ярлыком (десигнатором), который указывает на один и тот же объект в различных возможных ситуациях (возможных мирах) безотносительно того, какие свойства присущи в них этому предмету и, соответственно, какие дескрипции к нему применимы. При переходе от рассмотрения предмета в одной возможной ситуации к его рассмотрению в другой, а затем в третьей и т. д. единственным термином, который продолжает указывать на данный предмет, является имя. При анализе имени в рамках теории прямой референции оно представляется обозначающим сам предмет безотносительно той или иной его дескриптивной детерминации. Именно в силу этой обнаруженной функции имен С. Крипке стал называть их «жесткими десигнаторами», т. е. десигнаторами, «обозначающими тот же самый объект в каждом возможном мире» [Kripke, 1980, p. 48].

Нередко имя может подразумевать набор (кластер) определенных дескрипций. Кластерная теория именования восходит к рабо-

там Дж. Серля. Согласно данной теории, специфика семантической роли имен заключается в том, что кластер дескрипций, ассоциируемых с тем или иным именем, всегда является открытым, или окончательно недетерминированным [Searle, 1958, p. 166–173].

Вслед за Дж. Ст. Миллем с теми или иными оговорками имена собственные называют «пустыми», «ущербными», «асемантическими» словами (знаками, метками, этикетками). Бельгийский лингвист Э. Бойссенс считает, что и местоимения, и собственные имена — субституты, сами по себе ничего не означающие. Автор сравнивал употребление собственных имен с употреблением букв в геометрии: треугольник ABC [Buysens, 1938, p. 112]. Датский ученый Пауль Кристоферсен сравнивает имена собственные с номерами, которые даются осужденным: как бы ни были похожи двое, они не получают одного номера. Номера идентифицируют, но не описывают. Смит зовется так не потому, что он кузнец. Это имя получают и дамы, хотя женщины, как правило, кузнецами не работают. Смит — это звуковая последовательность без всякого другого значения, кроме идентификации мистера Смита [Christophersen, 1939, p. 64].

В сходном русле интерпретировали ИС и многие отечественные лингвисты [Реформатский, 1964; Уфимцева, 1977; Арутюнова, 1999 и др.]. На современном этапе нередко отмечается, что советские ученые, цитируя слова К. Маркса о том, что «название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яков» [Маркс, 1955, с. 107; цит. по Звегинцев, 1965, с. 483], не могли не согласиться с отсутствием значения у ИС.

Развивая идеи логического позитивизма, некоторые исследователи не только отрицают наличие семантики у ИС, но и (вслед за С. Крипке) считают необходимым признать ИС классом специальной лексики (наряду с терминами), который, соответственно, обладает специальным значением. Акцент делается на том, что «изучать ономастику при помощи традиционных лингвистических методов невозможно» [Смольников, 2005, с. 14], а сущность ИС не следует искать в сравнении с ИН, т. к. ничего общего они почти не имеют. В частности, отмечается, что ИС и ИН «относятся к разным лексическим полям, к разным системам и разным ярусам языковой структуры, а иногда — и к разным подъязыкам. Они имеют иную

семантическую валентность и лексическую сочетаемость и могут отличаться грамматически», что дает основание отнести их «не к общей, а к специальной лексике, составляющей обширный лексический массив, включающий, помимо имен собственных, термины и номенклатурные обозначения различных областей знания, производства, торговли» [Суперанская, 1993, с. 29–36.]. По словам А. В. Суперанской, обособление ИС от прочих слов начинается с того, что они пишутся с прописной буквы, проявляется в особенностях склонения, словообразования, акцентуации [Суперанская, 2009, с. 4]. Имена собственные, исходя из логики такого рассуждения, вообще «выпадают» из дихотомии ИС — ИН.

Одним из первых в отечественном языкознании охарактеризовал ИС как особое название определенного предмета, имеющее особый тип семантики, Л. В. Щерба в статье «Общий опыт теории лексикографии». В числе различных доказательств своей точки зрения Л. В. Щерба привел аналогию между ИС и нарицательными словами с определенным артиклем во французском языке [Щерба, 1974, с. 279].

Кроме предположений о том, что ИС являются ущербными именами нарицательными, а также классом специальной лексики, некоторые авторы [Шарандин, 2001; Матвеев, 2004; Coates, 2005] выдвигают идею о том, что имена собственные — это вообще не имена существительные. В частности, высказываются предположения о том, что имена собственные не являются лексико-грамматическим разрядом существительных, «это, скорее всего, самостоятельный класс слов, особая часть речи, имеющая свое категориальное значение» [Шарандин, 2001, с. 122]. По мнению английского исследователя Р. Коутса [Coates, 2005, p. 133], теоретически «собственность» может быть совсем отделена от существительного. Ссылаясь на Э. Хэмпса, он пишет, что обычно признаваемая тесная связь между *nouns* и *names*, базирующаяся на их морфологических характеристиках, является следствием евроцентризма. Во многих языках *names* (имена собственные) не похожи на *nouns* (имена существительные), поскольку в них используются глагольные и наречные компоненты [Hamp, 1956, p. 348].

В этих исследованиях подвергся сомнению существующий на протяжении нескольких тысячелетий тезис о том, что имена соб-

ственные наряду с именами нарицательными относятся к классу имен существительных.

Теории, возникшие в рамках логического направления в языке, в целом характеризуются тем, что настаивают на специфичности имен собственных, их несхожести с ИН, а потому и ущербности: одни исследователи приходят к мнению, что ИС являются некими асемантическими знаками-этикетками, фактически приравниваемыми к служебным частям речи. Другие, указывая на специфичность значения ИС, признают их жесткими десигнаторами и считают необходимым отнести их к специальной лексике. Третьи, настаивая на том, что категория ИС — категория не лексическая, т. к. выходит за рамки слова, стремятся признать ИС либо особой частью речи, либо отдельной категорией. Впрочем, несмотря на некоторые особенности, объединяет эти точки зрения то, что все они последовательно настаивают на асемантичности имен собственных. ИС признаются некими знаками, этикетками, ярлыками, бирками, субститутами, которые, навешиваясь на предмет, служат идентификации, индивидуализации и только. В результате проблема семантического содержания имени преимущественно сводится к проблеме референции имен, которая в свою очередь может осуществляться одним из двух способов: через прямое указание на объект и через указание, опосредованное дескрипцией. ИС были признаны неполноценными нарицательными именами, неполноценными существительными, которые «не имеют смысловой структуры, а следовательно, ассоциативных и структурных связей по линии содержания» [Уфимцева, 1974, с. 157–159].

О недостатках логического понимания онимов еще в начале XX века писали такие философы языка, как А. Ф. Лосев, П. Флоренский, С. Н. Булгаков. Настаивая на том, что «имя — не название, не простое слово и не термин, не вывеска, не внешний знак, не условный символ» [Лосев, 2011, с. 15], философы подчеркивали, что «позитивизм и механизм... понимает имя как субъективно издаваемый звук, а вещь как вещь, в которой имя вовсе не есть момент в ней самой», в результате чего получается «типичный для всякой абстрактной метафизики дуализм: вещи — сами по себе, без всякого имени, а имена (наши субъективные звуки) — сами по себе» [Лосев, 2011, с. 2]. Хотя вполне ясно, «что и вещи, и их имена относятся к действительности и суть какая-то ее сторона» [Лосев, 2011, с. 3]. Соответственно, «действительность есть полное, аб-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru